

УДК 340.132:329.3(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-7-84-91

РАДИКАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ: ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Б.К. Касымбеков

Аннотация. Вопрос радикализации религии в Кыргызстане, как и во всех странах ближнего зарубежья, не теряет свою актуальность последние десятилетия. Происходящие в мире негативные события, связанные с экстремизмом и терроризмом, обязательно косвенно или напрямую находят свое отражение и в религиозной сфере Кыргызстана. Разнородность и противоречивость причин текущего состояния требует глубокого и всестороннего изучения проблемы. Отмечается, что до сих пор не найдены однозначные факторы радикализации религиозного общества, поскольку это целый комплекс экономических, политических, идеологических, социокультурных рычагов влияния. Данная работа призвана внести вклад в изучение данной проблематики и поиск решений в государственно-правовом регулировании религии.

Ключевые слова: радикализация; религия; государство; право; экстремизм; терроризм.

ДИНДИ РАДИКАЛДАШУУСУ: КЫРГЫЗСТАНДАГЫ МАМЛЕКЕТТИК-УКУКТУК ЖӨНГӨ САЛУУ КӨЙГӨЙЛӨРҮ

Б.К. Касымбеков

Аннотация. Динди радикалдаштыруу маселеси бардык коншу өлкөлөрдөй эле Кыргызстанда да акыркы ондогон жылдар бою актуалдуулугун жогото элек. Дүйнөдө болуп жаткан экстремизм жана терроризм менен байланышкан терс окуялар сөзсүз түрдө кыйыр же түздөн-түз Кыргызстандын диний чөйрөсүндө да өз ордун табууда. Азыркы абалдын себептеринин бир тектүү эместиги жана ыраатсыздыгы көйгөйдү терең жана ар тараптуу изилдөөнү талап кылат. Диний коомдун радикалдашуусунун бир беткей факторлору азыркыга чейин табыла электиги белгиленет, анткени бул бүтүндөй экономикалык, саясий, идеологиялык, социалдык-маданий таасир этүү рычагдарынын бүтүндөй бир комплекси. Бул эмгек аталган көйгөйдү изилдөөгө жана динди мамлекеттик-укуктук жөнгө салууда чечимдерди издөөгө салым кошууга багытталган.

Түйүндүү сөздөр: радикалдашуу; дин; мамлекет; укук; экстремизм; терроризм.

RADICALIZATION OF RELIGION: PROBLEMS OF STATE AND LEGAL REGULATION IN KYRGYZSTAN

B.K. Kasymbekov

Abstract. The issue of radicalization of religion in Kyrgyzstan, as in all neighboring countries, has not lost its relevance over the past decades. The negative events taking place in the world related to extremism and terrorism are necessarily indirectly or directly reflected in the religious sphere of Kyrgyzstan. The heterogeneity and inconsistency of the causes of the current state requires a deep and comprehensive study of the problem. It is noted that unambiguous factors of radicalization of religious society have not yet been found, since this is a whole complex of economic, political, ideological, socio-cultural levers of influence. This work is intended to contribute to the study of this problem and the search for solutions in the state-legal regulation of religion.

Keywords: radicalization; religion; state; law; extremism; terrorism.

Радикализация в Центральной Азии – Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане – является давней проблемой как региона в целом, так и на международном уровне. Однако насилие, исходящее из региона и из местных сообществ, всегда было редким явлением. Гражданская война в Таджикистане в 1990-х годах и конфликт в Афганистане, в том числе и ввод советских войск, вовлекли некоторых центральноазиатских граждан и способствовали развитию сетей центральноазиатских джихадистов, но нападения в регионе или вне его с участием центральноазиатских граждан в этот период были редкими. Несмотря на это, в последнее время произошло несколько инцидентов по всему миру с участием выходцев из стран Центральной Азии, которые провели террористические атаки для продвижения целей ИГИЛ (также известных как Исламское государство Ирак и Сирия, ISIS). Относительно недавно, в 2017 году, нападения в Нью-Йорке, Стокгольме, Санкт-Петербурге и Стамбуле были связаны с выходцами из региона. В августе 2016 года нападение на посольство Китая в Бишкеке, возможно, связанное с конфликтом в Сирии, показало, что угроза может быть и на территории Кыргызстана. Кроме того, чаще всего выезжающие в Сирию и Ирак прибывают из стран Центральной Азии, хотя их численность остается спорным вопросом [1].

Прежде чем рассматривать проблемы государственно-правового регулирования радикализации религии, необходимо понять, что из себя представляет само понятие «радикализация» и причины его появления. Под термином «радикализация» понимается процесс, потенциально «приводящий к экстремизму и терроризму с применением насилия» [2]. Существует и несколько иное определение, адаптированное из отчета Европейской комиссии под названием «Стремление к развитию: укрепление устойчивости к насилию и экстремизму»: «социальный и психологический процесс постепенно накапливаемого опыта по развитию приверженности экстремистским идеологиям». Так как радикализация – это процесс, сам термин отражает определенную многоплановость того, как люди принимают и поддерживают использование

террористических средств для достижения политических целей. Рэнди Борум и Джон Хорган пишут: «Радикализация является сложной и потенциально проблематичной концепцией, и есть три аспекта, которые необходимо понимать:

а. Некоторые власти принимают концепцию, подразумевая, что конечной точкой радикализации является насилие, тогда как другие считают, что конечной точкой могут быть просто “экстремистские” взгляды (то есть, не обязательно последует принятие / вовлечение в насилие);

б. Под радикализацией часто понимают различную степень последовательности и линейности в траектории от “нерадикального” к “радикальному” (преуменьшая вероятность индивидуальных особенностей в каждом отдельном случае) [3];

в. Радикализация подразумевает, что изменение в поведении является результатом изменения веры. Однако большинство психологических исследований показывают, что взаимосвязь между убеждениями и поведением на удивление слаба, в то время как исследования в области терроризма показали, что можно придерживаться крайних убеждений и быть ненасильственным, а некоторые очень жестокие экстремисты не сильно подвержены влиянию идеологии» [4].

Мохаммед С. Элшими и Раффаелло Пантуччи выделяют следующую типологию движущих сил радикализации: структурные мотивации, иначе называемые «провоцирующие факторы», включающие репрессии, коррупцию, безработицу, неравенство, дискриминации, историю враждебности между группами идентичности и вмешательство других государств. Индивидуальные стимулы равно «притягивающие факторы»: идеологические принципы приключения, принадлежности, принятия, идентичности, статуса, материальных соблазнов, принуждения и ожидания вознаграждения в загробной жизни. Способствующие факторы: люди, идеи, влияние религиозных наставников, членство в группах с радикальным настроем или даже онлайн-сообществах, доступ к вооружению или другим соответствующим предметам; сравнительное отсутствие государственного влияния; наличие нарративов; политика общей идентичности;

отсутствие семейной поддержки; присутствие уязвимых людей (таких как молодежь или преступники). Сара Лейн и Надин Л. Салман пишут о таких типологиях причин радикализации: «Устойчивость: действующие факторы, которые препятствуют ухудшению проблемы. На индивидуальном уровне они включают: личный опыт, убеждения и ценности; семью и друзей; доступ к ресурсам; личные качества, такие как уверенность и чувство собственного достоинства; работу; религию; образование. На уровне сообщества (социальном уровне) они включают связи между семьями и друзьями и “доверие”. На политическом уровне (структурном) они могут включать верховенство закона, государственную социальную поддержку и правоохранительные органы. Радикализация является сложным многомерным явлением, возникающим в результате взаимодействия микро-индивидуума, благоприятствующей окружающей среды (социально-культурных условий) и макро-структурных факторов: ее нельзя предугадать с помощью только одной переменной» [5].

История развития религии в Кыргызстане разнообразна и насыщена благодаря возрождению ислама и количеству религиозных организаций после распада СССР. Наряду с исламом, свое развитие получили и другие конфессии и течения разного толка. В советском прошлом Кыргызстана присутствовал жесткий государственный контроль над религиозными течениями, преобладало атеистическое начало в обществе. В независимом Кыргызстане наблюдается либералистический подход к государственно-правовому регулированию религиозных течений и, в частности, отсутствие препятствий исламизации общества. Однако, это не отменяет необходимости контроля со стороны государства, поскольку дозволение всегда опосредует собой и злоупотребление возможностями права со стороны граждан и организаций.

Рассмотрим сложившуюся религиозную ситуацию в стране и выявим проблемы государственно-правового регулирования радикализации религии. Кыргызстан является одной из наиболее религиозных стран в центрально-азиатском регионе. На начало 2021 года в Государственной комиссии по делам религий

Кыргызской Республики прошли учетную регистрацию 3 348 религиозных объединений, из них 2 930 исламского и 404 христианского направления, а также 12 общин Бахаи, одна иудейская и одна буддистская общины. Крупнейшим из них является Духовное управление мусульман Кыргызстана, которое обеспечивает сохранение ханафитского мазхаба и матуридитского вероубеждения среди мусульман [6]. Для сравнения, в 1991 г. в стране было всего 39 мечетей [7]. Большинство мечетей в стране были построены при спонсорской поддержке арабских, частично турецких фондов.

На сегодняшний день свыше 80 % населения Кыргызстана считают себя мусульманами, остальные причисляют себя к православным христианам (7 %) и другим религиозным верованиям (12 %). Что касается законодательства, впервые Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» был принят в 1991 г., что позволило религиозным организациям зарегистрировать свою деятельность в республике. В итоге, уже к 2008 г. было зарегистрировано свыше 2 тыс. религиозных организаций. С 2002 г. в республике стали подниматься вопросы о необходимости ужесточения политики в религиозной сфере, но инициативы оставались без поддержки депутатов [8]. 31 декабря 2008 г. в стране был принят новый Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях КР», в котором были ужесточены процедуры учетной регистрации в государственном органе по делам религий. Закон был принят, несмотря на отрицательную оценку со стороны Венецианской комиссии и экспертного Совета БДИПЧ ОБСЕ. Критика касалась преимущественно того, что из-за бюрократизированности процедур регистрации многие религиозные сообщества не смогут получить официальную регистрацию [9, с. 103].

Направленность государственной политики до 2014 г. характеризовалось отсутствием вектора направления по выстраиванию взаимоотношений государства и религии. В конце 2014 г. в Кыргызстане была принята Концепция государственной политики в религиозной сфере на 2014–2020 гг. В концепции особо выделяется роль традиционных конфессий в Кыргызстане,

в частности, традиционный ислам ханафитского мазхаба и православное христианство; подчеркивается необходимость сохранения традиционных ценностей ислама, защита от внешнего воздействия мусульман. В концепции также говорится: «Возрастание числа культовых объектов, согласно данному документу, является следствием «влияния и финансовой поддержки со стороны турецких, пакистанских, арабских, иранских и других религиозных организаций, и деятелей. Этот процесс привел к появлению новых культовых практик и расслоению мусульманской общины, которое может в будущем привести к возникновению противоречий и конфликтов на религиозной почве. Радикализация религии в стране в определенной мере происходит из-за влияния зарубежных религиозно-экстремистских центров и организаций. По завершении обучения некоторые из выпускников зарубежных учебных центров становятся носителями, распространителями идеологии и менталитета страны пребывания, насаждают чуждые для народа Кыргызстана образ жизни, культуру, внешний вид, одежду и стандарты поведения». Таким образом, данная Концепция опосредует собой обозначение государством намерения повысить свою роль в конт-роле над негативными отклонениями религии и поддержке традиционных конфессий.

Главным направлением является централизация мусульманских организаций под единым центром религиозного управления под руководством Государственной комиссией по делам религий. А.М. Усенов отмечает: «В Концепции впервые были приняты шаги к взаимодействию государства и религиозных конфессий, в частности, инициированы реформы в работе Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК) в части повышения контроля над назначением имамов мечетей, имам-хатибов, а также их взаимодействия с ГКДР, Министерством образования, религиозными фондами и неправительственными организациями, отмечена необходимость выстраивания неконфликтных взаимоотношений между конфессиями. Во-вторых, в ДУМК были урегулированы вопросы миссионерской деятельности, в том числе была введена единая форма для лиц, занимающихся даваатом.

В-третьих, при поддержке государства был создан Фонд развития духовной культуры “Бийман”, в функции которого вошли повышение информированности населения о государственной политике в религиозной сфере, повышение толерантности, профилактика экстремизма и повышение грамотности имамов. Таким образом, в Кыргызстане был сформирован своего рода информационный метод противодействия экстремизму, в орбиту которого были включены религиозные, образовательные учреждения, негосударственные организации и СМИ. В-четвертых, были начаты процессы по реформированию религиозного образования. Тем не менее, разрабатываются механизмы включения светских дисциплин в исламских образовательных учреждениях. Уже имеется возможность получения светского образования в Исламском университете. Кроме того, есть множество примеров, как после получения религиозного образования в медресе граждане продолжают обучение в университетах (в КГУ им. Арабаева, КГУ “Манас”, ОшГУ) по специальности “теология”. Помимо этого, в самом ДУМК введена процедура аттестации имамов мечетей. К тому же, всем государственным органам и ДУМК поручено проводить меры для пресечения деятельности экстремистских организаций в стране путем пропаганды “мягкой” формы ислама ханафитского мазхаба» [10].

В 2021 г. была принята обновленная Концепция государственной политики в религиозной сфере на 2021–2026 гг. Одной из главных проблем, указанных в данной Концепции, стала проблема соблюдения принципа светского характера государства. Отметим, текст Концепции не претерпел особых изменений, однако описаны и проблемы в реализации положений из предыдущей Концепции, а также обозначается необходимость придерживаемости курса по совершенствованию достигнутых результатов. Таким образом, особенностью государственной политики с 2014 г. является ее ориентированность на сохранение национальной и гражданской идентичности через поддержку традиционной формы ислама в виде ханафитского мазхаба и матуридийского убеждения. В качестве важнейших задач в сфере политики в религиозной

сфере выступают реформа религиозного образования, предупреждение радикализма и экстремизма, борьба с религиозными конфликтами, сохранение светскости государства. Одним из акцентов в Концепции 2014 г. была проблема внешней атрибутики мусульман, которая привнесена извне и не соответствует национальным традициям. Проявлением защиты атрибутивной составляющей ислама в Кыргызстане является недавнее введение единой формы для сотрудников ДУМК и имамов.

Что касается самой ситуации с экстремизмом и терроризмом в Кыргызстане на сегодняшний день, можно сказать, что угроза имеет и внутреннюю, и внешнюю направленность. Рассмотрим данную проблематику. Кыргызстан обладает относительно высоким уровнем религиозной свободы и религиозного разнообразия [11, с. 21], но при этом занимает первое место среди центральноазиатских стран «по количеству иностранных боевиков и лиц, выезжающих с противозаконными целями в Сирию и Ирак, как в абсолютном выражении, так и на душу населения» [12, с. 2]. По сообщениям контртеррористических служб Кыргызстана, в период с 2010 по 2016 г. 863 гражданина Кыргызстана были зарегистрированы в качестве иностранных боевиков, воюющих на территории Сирии и Ирака. Государственная комиссия по делам религий Кыргызстана выявила 21 террористическую организацию, в которые были завербованы граждане Кыргызстана, в том числе группировки ИГИЛ, «Аль-Каида», «Джебхат ан-Нусра», движение «Талибан», Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), ИДУ и др. Спекхард и др. пишут: «Радикализацией граждан Кыргызстана и их обращением в насильственный экстремизм занимаются, в основном, группировка ИГИЛ и организации, имеющие длительную историю присутствия в регионе» [13, с. 7]. Констатируется, что хотя большинство кыргызстанских ИБТ присоединяются к группировке «Джебхат ан-Нусра» (Дан), внимание общественности и СМИ сосредоточено, главным образом, на жителях юга Кыргызстана, в основном, этнических узбеках [14, с. 12], которые были маргинализированы во время столкновений на этнической почве в 2010 г., а также

на трудовых мигрантах, работающих в России. Кыргызские мигранты в России имеют тенденцию присоединяться к ИГИЛ, при этом радикализация происходит через интернет-ресурсы [15].

Дискуссии о радикализации граждан Кыргызстана не утихают и остаются актуальными, хотя влияние конфликта в Сирии и угрозы стороны крупных террористических организаций, например, ИГИЛ, снижается. Международная кризисная группа опубликовала значимое исследование о радикализации в Кыргызстане. В ней отмечается, что «неспособность правительства удовлетворить основные потребности граждан наряду с отсутствием политического плюрализма привели к росту популярности различных религиозных групп в качестве альтернативы. Также в докладе утверждается, что проживающие в Кыргызстане экономически и социально маргинализированные этнические группы с низким уровнем образования, по-видимому, особенно тяготеют к радикальным и привнесенным извне версиям ислама. Узбеки особенно слабо представлены в политической жизни страны и плохо интегрированы в общество, что подталкивает их к принятию радикальных взглядов. Женщины, подвергшиеся домашнему насилию и оскорблениям, могут найти в экстремистской религии определенное утешение. Они могут стать объектом внимания исламистских организаций. Были случаи, когда женщины по собственной инициативе вступали в экстремистские группировки. Спекхард и др. предлагают уделить особое внимание роли женщин в радикализации граждан Кыргызстана. Исследования подталкивающих и притягивающих факторов ведутся в Кыргызстане в недостаточном объеме. В существующих исследованиях выделены определенные направления: социально-экономические факторы, слабость государственных институтов, индивидуальные религиозные и личные стимулы, давление или влияние со стороны семьи или партнера, а также статус этнических меньшинств. Финансовые соображения (желание заработать деньги, что особенно распространено среди узбекского меньшинства Кыргызстана) и социально-экономические проблемы являются основными подталкивающими факторами, провоцирующими

людей на участие в террористических группировках» [16].

В докладе ООН «План действий по предупреждению насильственного экстремизма» (2015), основанном на качественном исследовании с проведением интервью, следуют следующие причины радикализма: «подталкивающие факторы – условия, приводящие к воинствующему экстремизму, и структурный контекст, из которого он возникает». Сюда входят неэффективное государственное управление, слабые государственные институты, нехватка ресурсов, государственные репрессии, относительное ухудшение положения, бедность и несправедливость. Притягивающие факторы – «индивидуальные мотивы и процессы, которые играют ключевую роль в трансформации идей и недовольства в воинствующие экстремистские действия». Эти факторы направлены на выявление личностного контекста и таких предрасположенностей, как «рудиментарный уровень грамотности и почти полное отсутствие религиозных знаний». Считается, что подталкивающие и притягивающие факторы взаимосвязаны. Подталкивающие факторы становятся первопричинами притягивающих факторов, которые охватывают аспекты привлекательности экстремистских группировок и их образа жизни для некоторых людей. Например, к ним относятся идеология, групповая принадлежность, групповые механизмы и другие стимулы [17, с. 32]. Примером может служить исследование М.А. Джелила, основанное на микроэмпирических данных, содержащихся в досье 3 965 иностранных рекрутов ИГИЛ. Личные дела, которые попали в руки журналистов Sky News (2016), CNN (2016), Zaman Al Wasl (2016), включали возраст новобранцев, наличие образования, страну проживания и их собственную оценку уровня знаний об исламе. Результаты исследования показывают, что высокий уровень безработицы является подталкивающим фактором радикализации [18].

Исследователями утверждается, что «воздействие оказывает именно совокупность ряда притягивающих и подталкивающих факторов, меняющихся в зависимости от культуры, социального контекста, террористической группы и личности вступившего в нее человека.

Имеется шесть взаимосвязанных факторов, побуждающих человека стать террористом: 1) биологические факторы: импульсивность у молодых людей, стремление обрести уверенность; 2) личная награда и статус “борцов за свободу”, “повстанцев”, “сопротивление”; 3) принудительная вербовка и мобилизация с пассивным или с крайне активным выявлением потенциальных рекрутов; 4) социальная идентификация и маргинализация; 5) психология мести: желание исправить воображаемую несправедливость или предотвратить подобное в будущем, а также восстановить свою самооценку; 6) возможность – группировки крайне подозрительно относятся к желающим присоединиться, считая их агентами спецслужб» [19, с. 19–53].

Таким образом, на радикализацию граждан влияют факторы с различным контекстом, включая психологический, политический, социальный и материальный. Обширность и противоречие совокупности данных факторов позволяет государству понимать проблему глубже и находить наиболее эффективные решения в борьбе с радикализмом. Дерадикализация как процесс изменения системы убеждений индивида, отказа от экстремистской идеологии и принятия общих ценностей должна стать одной из главных приоритетных направлений в государственной политике. Программы дерадикализации «должны быть адаптивными и индивидуальными» [20], и для их эффективности необходимо учитывать не только идеологические и психологические факторы, но и их взаимодействие. Социальные факторы также имеют значительную роль при формировании политики в борьбе с радикализацией во избежание повторного возникновения условий и мотивов для экстремизма и терроризма.

Таким образом, главной задачей в данной статье выступало выявление существующих на данный период проблем, связанных с радикализацией государства. Изучив сущность и причины радикализации религии, а также направления государственной политики в сфере религии и противодействия радикализации, можно выделить следующие проблемы:

1. Отсутствие экономических возможностей делает Кыргызстан легкой мишенью для

вербовки граждан: безработица, низкий уровень заработной платы, миграция и др. подобные экономические обстоятельства становятся причинами вовлечения в экстремистские и террористические организации.

2. Слабые государственные институты и службы. Открытая государственная политика в Кыргызстане может способствовать тому, что различные идеологии и религиозные группы будут свободно проникать в кыргызстанское информационное пространство и получают благодатную почву для вербовки. Спецслужбы Кыргызстана недостаточно подготовлены к отслеживанию деятельности сторонников радикальных течений.

3. Деградация государственной системы образования приводит к недостаточному уровню образованности и невежеству, которые являются ключевыми факторами, позволяющими лидерам экстремистов манипулировать людьми и вербовать сторонников.

4. Отсутствие заинтересованности у верующих граждан самостоятельно изучать религиозные материалы в проверенных источниках, признанных со стороны религиоведов, теологов и прочих экспертов социальной доктрины. Также связанное с этим отсутствие способности у маргинальной части общества различать правильные и неправильные трактовки религиозных направлений.

Анализ религиозной ситуации показывает, что государственная политика в религиозной сфере все еще нуждается в совершенствовании для решения обозначенных проблем.

Поступила: 31.01.23; рецензирована: 14.02.23;
принята: 17.02.23.

Литература

1. Блейер К. О степени вовлечения выходцев из Центральной Азии в боях в Афганистане – Between Co-operation and Insulation: Afghanistan's Relations with the Central Asian Republics (Между сотрудничеством и изоляцией: отношения Афганистана с центральноазиатскими республиками) / К. Блейер, С.Р. Каземи // Доклад ассоциации афганских аналитиков. Июнь 2014. URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2018/04/RUSI-report_Central-Asia-Radicalisation_%D0%A0%D0%A3%D0%A1_24042018.pdf (дата обращения: 26.12.2021).
2. Предупреждение радикализации и проявлений ненависти на местном уровне // Руководящие принципы для местных и региональных властей: Резолюция 384. 2015. URL: <https://rm.coe.int/1680719e1c> (дата обращения: 21.12.2021).
3. Horgan J. The Psychology of Terrorism, 2nd Edition / J. Horgan. London: Routledge, 2014.
4. Borum R. Understanding Terrorist Psychology / R. Borum // Mental Health Law & Policy Faculty Publications. 2010. URL: https://digitalcommons.usf.edu/mhlp_facpub/576 (дата обращения: 11.11.2022).
5. Элишими М.С. Исследование факторов, способствующих радикализации среди трудовых мигрантов из Центральной Азии в России / М.С. Элишими, Р. Пантуччи, С. Лейн, Н.Л. Салман // Специальный выпуск RUSI. Апрель 2018. URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2018/04/RUSI-report_Central-Asia-Radicalisation_%D0%A0%D0%A3%D0%A1_24042018.pdf (дата обращения: 03.12.2022).
6. Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2021–2026 годы. Принята Указом Президента Кыргызской Республики № 412 от 30 сентября 2021 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430711> (дата обращения: 03.12.2022).
7. Как изменилось количество мечетей и церквей в Кыргызстане после 1991 года // Инфографика. 2020. URL: <https://elgezit.kg/2019/10/22/kak-izmenilos-kolichestvo-mechetej-i-tserkvej-v-kyrgyzstane-posle-1991-goda-infografika/> (дата обращения: 13.12.2022).
8. Субъективные стороны религиозности населения Кыргызстана. URL: <http://nisi.kg/niss-kg/sub-ektivnye-storony-religioznosti-naseleniya-kyrgyzstana/> (дата обращения: 21.12.2022).
9. Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации / под ред. А.Л. Салиева. Бишкек, 2019.
10. Усенов А.М. Социальная доктрина ислама как важный элемент профилактики религиозного экстремизма и терроризма в Кыргызстане / А.М. Усенов // Способы и средства противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: сборник статей / отв. ред. А.Л. Салиев. Бишкек, 2019.
11. Nasritdinov E. Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization,

- Violence and Extremism: Analysis across Five Domains. Dü. Russian, and Eurasian Studies Institute for European / E. Nasritdinov, Z. Urmanbetova, K. Murzakhalilov, M. Myrzabaev. Washington: DC, 2019.
12. *Speckhard A.* Analysis of the Drivers of Radicalization and Violent Extremism in Kyrgyzstan, including the Roles of Kyrgyz Women in Supporting, Joining, Intervening in, and Preventing Violent Extremism in Kyrgyzstan / A. Speckhard, A. Shajkovci, C. Esengul. 2017. URL: https://peacenexus.org/wp-content/uploads/2019/07/YPS-Kyrgyzstan-FINAL1-CM_-blitz.pdf (дата обращения: 22.12.2022).
 13. *Speckhard A.* Fighting ISIS on Facebook – Breaking the ISIS brand counter-narratives project / A. Speckhard, A. Shajkovci, L. Bodo // International Center for the Study of Violent Extremism. 2018.
 14. *Tucker N.* Public and State Responses to ISIS Messaging: Kyrgyzstan / N. Tucker // Central Asia Program. 2016.
 15. *Elshimi M.S.* Understanding the Factors Contributing to Radicalisation Among Central Asian Labour Migrants in Russia / M.S. Elshimi, R. Pantucci, S. Lain, N.L. Salman // Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. 2018.
 16. Международная кризисная группа // Кыргызстан: хрупкость государства и радикализация. 3 октября 2016. Брифинг № 83. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/5ad054864.html> (дата обращения: 09.01.23).
 17. *Vergani M.* The three Ps of radicalization: Push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism / M. Vergani, M. Iqbal, E. Ilbahar, G. Barton // Studies in Conflict & Terrorism. 2018.
 18. *Jelil M.A.* Unemployment and violent extremism: evidence from Daesh foreign recruits / M.A. Jelil, K. Bhatia, A. Brockmeyer, Q.-T. Do, C. Joubert. 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29561> (дата обращения: 21.12.2022).
 19. *Silke A.* Becoming a terrorist. Terrorists, victims and society: Psychological perspectives on terrorism and its consequences / Silke A. Wiley, 2003.
 20. *Bertram L.* How Could a Terrorist be De-Radicalised? / L. Bertram // Journal for Deradicalization. 2015.